

Библиотека для чтения

Том 100

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б59

Б59 Библиотека для чтения: Том 100 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 812 с.

ISBN 978-5-517-91662-4

«Библиотека для чтения» - ежемесячный журнал «словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод», выходивший в Петербурге в 1834-1865 годах. Издавался с 1834 года А.Ф.Смирдиным. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1850 года

ISBN 978-5-517-91662-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нія. Чтобы показать весь высокій интересъ и оригинальность взглядовъ ученаго, которому Я. Гриммъ, авторъ «Исторіи германскаго языка», въ прошломъ году посвятилъ свой великій трудъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы представить читателямъ тѣ новыя начала, на основаніи которыхъ авторъ представляемаго нынѣ перевода «Ричарда III» смотритъ на славное произведеніе отца новѣйшей драматургіи, мы излагаемъ здѣсь главныя мысли Гервинуса объ исторической драмѣ Шекспира «Ричардъ III».

.... Точнѣе доказано, что еще въ 1583 году, въ Кембриджѣ, была написана докторомъ Легге латинская драма подъ именемъ «Ричардъ III», а въ 1588 году англійская трагедія «The true tragedy of Richard III», которая, впрочемъ, появилась въ печати годомъ позже Шекспировой. Объ помѣщеніи въ запискахъ Шекспировскаго общества, но изъ нихъ видно, что творецъ «Отелло» и «Макбета» ими почти и не пользовался. «Ричардъ III» Шекспира есть подлинное твореніе великаго драматурга и служить продолженіемъ его драмы «Генрихъ VI». Здѣсь, какъ и въ «Генрихъ VI», еще не вполне выдержана чистая драматическая форма. Но эта пьеса полна трагическихъ мотивовъ и сценъ, и поразительно выступаетъ въ ней міръ черныхъ злодѣяній, которые Шекспиръ, безъ доказательствъ исторіи, сваливаетъ на Ричарда III и тѣмъ, съ такою горькою остротою, развертываетъ историческія отношенія своихъ героевъ, гдѣ мы постепенно видимъ, какъ коварный Ричардъ показываетъ падшему поколѣнію послѣдствія гражданскихъ смутъ, какъ онъ, низвергнутый, возвышается, побуждаетъ враговъ своихъ, и, почти въ мигъ торжества, самъ падаетъ и погребается подъ обломками всеобщаго разрушенія. Трагедія Шекспира основана на борьбѣ *бллой* и *аллой розъ*, на соперничествѣ домовъ Йорка и Ланкастера.

.... Среди гражданскихъ смутъ и потрясеній всего общества — выступаетъ страшный Глостеръ, съ опаснымъ сознаніемъ превосходства своихъ дарованій и съ пронзительною зоркостью взгляда на испорченность и неспособность человечества его эпохи. Въ мірѣ, гдѣ всякій добро считаетъ добромъ, онъ ложно убѣждается, что одно

его должно управлять наперед действительности; слабой и необлагодотворенный отъездом, возмущающъ его надъ слабыми личностями; гордости; малости; заговаривающъ его промывать законами, обычаями и правами. Что отъездъ представлялся уму и силѣ, было началомъ его малоземлемы; онъ имѣлъ брать третью часть царя своей оубиности; окруживающъ его людей онъ обрадася въ ступени лестницы своего возмущения. Англическая оуба, въ вой времена, интересовающъ этихъ созданий. Въ семнадцатомъ столѣтѣ Коллей-Гибберъ вынеса его, нѣтъ мрамъ забвения. Величайше артиоты Англии, Борбеджъ, Гэрригъ, Кингъ, обрабатывали этого Ричарда — какъ одну изъ любимайшихъ ролей, что особенно удавалось первымъ двумъ, по причинѣ ихъ натуральной малорослости. Другіе артиоты, какъ напримеръ Кембл, оставили царю третью часть, объ исполненіи этого характера. Уже во время Шекспира (1614 года) одиъ писатель, взысканъ Христофоръ Брукъ, сочинилъ поэму въ стихахъ — «Душъ Ричарда III», которая поставлена въ законѣхъ Шекспировскаго-Общества. Эта поэма такъ интересна, что она показываетъ, какъ тогдашнее время понимало те-ленство и на сколько оно старалось видѣть въ душъ таинствъ, характеровъ, каковы характеры Ричарда III.

Біографія Ричарда переведена Томасомъ Муромъ съ латинской біографіи хроника Хеллинседа, который, взысканъ, замѣтовалъ ее въ своей чередѣ у архіепископа Мортонъ. Въ этомъ источникѣ Шекспиръ нашолъ слѣдующія скудныя, но довольно мотія черты для характера своего героя: Ричардъ родился съ зубами, былъ бробробро-вощъ и лѣвое плечо его было выше праваго. Злость, гнѣвъ и ненависть были его главными качествами. Онъ былъ хорошій воинъ; былъ щедръ, что доставало ему самыхъ многочисленныхъ, но нестойкихъ друзей; былъ таинственъ, глубочій лицомаръ; сна-ружъ онъ казался смиреннымъ, внутри его бушевали вычлвность и гордость; онъ былъ другомъ и врагомъ въ одно время, цаловалъ въ тотъ самый мигъ, когда готовилъ убійство, и если онъ выискалъ въ деле свое взыломство и тщеславіе, то не щадилъ ни враговъ, ни друзей! Шекспиръ удержалъ воз эти черты, — удержалъ въ самой выскокой, художественной естественности и гармоніи. Его Ричардъ взыду являетса отличньмъ, лезньмъ краснобаемъ, съ духомъ взысертельнымъ и холодно-лестнымъ, съ острою пронзительностью взгляда, взысканъ таинствъ, какъ его изображаетъ хроника; въ себѣ

личности — вполнитою и кланяться за Аленой, въ его лицемерномъ презрѣніи, въ его сарказмѣ и двусмысленномъ реченьи, — то ведь принадлежать острый и дловный даръ его лукавой речи. Съ насильственнымъ смотрѣніемъ на него молитвенно-жадною Маргарита, Суровый, дикій, выросшій на войнахъ и въ крови, убійствъ, съ гордою улыбкою вѣдь предостереженья плутовъ, малютка Ричардъ въ изумительномъ предостереженіи съ самими собою. Уже дремлющая выставка его съ изумительной суровостью поднимаетъ и дерзаетъ въ своемъ злодѣяніи. Шен-сиръ доиспытываетъ его: Ричардъ выходитъ на сцену съ душою перемѣняющею и необузданнымъ въ припадкахъ биченства и упорства, шутку же расточаетъ медовыя рчи; то кажется остро-откровеннымъ и поваренно-безпечнымъ льстецамъ, то вдругъ — самымъ суровымъ и коварнымъ лицемеромъ, злодѣемъ.

Сопоставляемъ, возможны ли подобныя противорѣчія въ одномъ лицѣ. Могъ ли человекъ, которому въ высочайшей степени свойственна жестокость, такъ далеко унести въ суровости и справедности права, единственно самымъ законнымъ злодѣемъ? Или, если эта суровость была его природнымъ качествомъ, могъ ли подобный извергъ быть образцомъ такого ума? Наконецъ, возможно ли было человеку, такъ сознательно свои силы въ достиженіи предположенной цѣли, распространять страхъ и ужасъ, и, во сказаніе крѣпкой, исполнять въ свое глумленіе злодѣйства безъ природной склонности, изъ одной политикѣ? Шенсиръ, какъ и его историческіе поточники, выставляютъ главнѣе крупное дѣйствіе Ричарда, основою всего его планоу — его заносчивое честолюбіе. Онъ поставилъ это качество въ центръ всего характера Глостера. Въ его грубой природѣ столько гордости и самонадеянности, столько аристократической цѣлостности, столько наконецъ отвращенія къ кривой дорогѣ, что онъ не знаетъ и оглобается, какъ мы видимъ, нѣ одного направленного стремленія къ достиженію того мѣста, на которомъ каждый передъ нимъ долженъ склониться! Вслѣдствіе своихъ намереній и плановъ, онъ дождался до того, что не только могъ одлѣтѣть неподражаемымъ плутомъ, но еще могъ скрывать свое плутовство и свое зло. Лицемерство онъ довелъ до высшей степени, такъ-что онъ является иногда презрѣваемымъ и угнетеннымъ тамъ, гдѣ онъ самъ вслѣдъ и угнетаетъ и уничтожаетъ, — и разкрываетъ роль труса въ то время, когда его нависаетъ рѣзкій самый отчаянный и коварный ударомъ; такъ-что артистъ-актеръ долженъ

вопреки различать, где его сила природна и где она въ своемъ дѣйствіи только принятая роль. Наконецъ, онъ доводитъ свое лукавство до *bon plus ultra*, до того, что онъ, ужасъ людей, принимается въ свѣтъ за кроткаго и милосердаго, за добродѣтельнаго, что онъ, теломъ и душою демонъ-предатель, является въ образъ праведника, и что врагъ его, какъ напримѣръ Риверсъ, вѣритъ въ его честность; прямой человекъ, какъ Хэстингсъ, вѣритъ въ неспособность его скрытности, Анна замѣчаетъ въ немъ возвратъ къ раскаянію, а падающій Кларенсъ вѣритъ въ его братскую любовь!... На послѣднихъ ступеняхъ къ достигаемой цѣли, онъ состязается съ Бокингемомъ въ лицемерствѣ и побеждаетъ его....

Слабы нити, посредствомъ которыхъ характеръ Ричарда связывается съ хорошею стороною человѣческой природы; не найди Шекспиръ этого характера въ достовѣрныхъ скрижаляхъ исторіи, онъ, можетъ-быть, не рѣшился бы, позднее, воспроизвести его въ типахъ Эдмунда и Яго. Шекспиръ старался сдѣлать какъ можно болѣе интереснымъ этотъ характеръ, и потому такъ развилъ въ немъ его злую сторону.... Невъроятно при этомъ встрѣтить въ демонъ пороковъ, въ дерзкомъ Ричардѣ, — черту совершенно неожиданную: герой зла подверженъ припадкамъ *суевѣрія!* Когда Маргарита (1 актъ, 3 сцена), осыпаетъ его проклятіями, Глостеръ старается ее прервать различными словами и обратиться ея проклятія на нее же. Одинъ предсказатель объявлялъ ему смерть послѣ его свиданія съ Ричардомъ, и это уже тяготитъ его. Хроника говоритъ, что онъ выходилъ изъ себя, когда слышалъ имя Ричмонда. Шекспиръ удержалъ эту черту. Внутренніе голоса, днемъ сдерживающіе его совѣсть и волю, вырываются наружу въ полночь, когда спятъ нравственныя силы его; злодѣя томятъ ужасныя сны!... Наканунъ его битвы съ Ричмондомъ (также по сказанію хроник) передъ нимъ являются духи убитыхъ имъ жертвъ и терзаютъ его угрозами и упреками.... Ричардъ просыпается въ испугѣ, и, обливаясь холоднымъ потомъ, кричитъ отрывистыя слова и въ бреду чуть не выдаетъ самого себя!...

Въ роли Ричарда—актеру предстоитъ тѣмъ самымъ непреодолимыхъ трудностей. По словамъ Стивенса, не то здѣсь затруднительно, что артистъ долженъ безпрестанно мѣнять въ себѣ образы героя и шарлатана, государственнаго человека и буффо, лицемера и разбойника; но то здѣсь трудно, что онъ долженъ ежеминутно извертываться между

исключительными страстями и самыми фамильярными тонами рѣчи, между красивыми словами — то грубаго солдата, то лукаваго политика и лютваго придворнаго, и между угрозами возбужденнаго шута; но въ тонкой наконецъ обрисовкѣ движеній или мимической и риторической художественности дилекціи состоятъ трудности исполненія характера Ричарда, но въ томъ, что артисту должно найти основныя начала всехъ этихъ разнообразностей и соединить ихъ плотною гармоніею. Ричардъ — это Протей превращеній. Самый лучшій выразитель его роли до-сихъ-поръ былъ и есть — самъ Шекспиръ.... Для величайшихъ актеровъ онъ всегда былъ гордіевымъ уломъ.

....Въ трагедіи — остальныхъ лица, какъ и въ раннихъ произведеніяхъ Шекспира, группируются вокругъ главнаго действующаго характера; одна и та же идея связываетъ ихъ съ страшнымъ героемъ. Сверхчеловѣческимъ силамъ Ричарда прежде всего противопоставляются женщины — во всей ихъ женственной слабости и безсиліи. Анна, которую онъ въ началѣ пьесы покоряетъ оружіемъ своего лицемерія, возбуждаетъ скорое участіе, нежели презрѣніе. Она ненавидитъ и выходитъ за-мужъ; она проклинаетъ ту, которая станетъ женою убійцы ея мужа, и сама подпадаетъ этому проклятію и, ставши его супругою, входитъ снова, невольно, въ ряды враговъ своего новаго мужа.... Рѣдко выводили сцену, полную такихъ невѣроятностей, какова сцена, гдѣ Анна играетъ главную роль, и характеръ ея выходитъ неожиданно и, какъ бы мимоходомъ, снова исчезнувъ въ своемъ проявленіи до конца пьесы, но блеснувъ всею роскошью красокъ, женскою кичливостью, самолюбіемъ, слабостью и кокетливостью рѣчи; подобное явленіе мы видимъ еще въ трагедіи «Эсезская Матрона».... Не надобно забывать, впрочемъ, что убійство ея мужа частію оправдывается неизбежнымъ зломъ всякой гражданской войны и долгомъ воинской чести!....

Не менѣе остроумно выступаетъ, въ противоположность характеру Глостера, простодушіе Хэстингса. Онъ добросердеченъ, вѣренъ чувству добра, болтливъ, честенъ, чуждъ всякаго лукавства; онъ ирритъ Катзбѣ столько же, сколько и Ричарду; онъ торжествуетъ съ несмотрительною радостью при паденіи враговъ своихъ, тогда какъ ему грозитъ подобная же участь; онъ подаетъ въ советъ своей глупости за Глостера, за своего чуднаго и вѣрнаго друга, и не видитъ, что тотъ уже подписалъ его смертный приговоръ. Вся сцена

(III акт., 4 сд.), въ которой это происходитъ, дана въ подробнѣе-
 егду: характеристической, рѣчи, замѣствована имъ хроникѣ. Иначе Шекспиръ выставилъ Брансфорду — здесь, онъ основывалъ
 ся, единственно на силѣ своего воображенія, и потому, степь по-
 следней, исторически играть совершенно другую роль, нежели въ
 трагедіи! Являясь лицомъ весьма оправдательнымъ, какъ Катонъ и Тур-
 редъ, характерами, действующими, онъ вѣрна вызываетъ Ричарда въ
 действіяхъ, вызываетъ его планы и намѣренія, — безъ чего повлѣдѣн
 поединкому не получили бы такого энергетическаго подема. Самымъ
 главнымъ орудіемъ Глостеру служить его креатура. — Бомингамъ....
 Онъ выставленъ съ нимъ рука-объ-руку, какъ его легкое и дивно-
 сходное отраженіе, какъ копія его челоуѣбія и лицемѣрія. Другъ и
 друга они замѣствуютъ и оба вмѣстѣ обрѣтаются въ одной цѣли — въ
 возвышенію. Здесь ихъ природная, нравственная связь. Въ Боминга-
 мѣ, въ его сходствѣ съ Ричардомъ, Шекспиръ примиряетъ противу-
 положности въ характерѣ своего героя и разное различіе въ типахъ
 второстепенныхъ лицъ, сгруппированныхъ около Глостера. Онъ
 помогаетъ своему патрону возвыситься — и, подобно ему и его
 продолжамъ, дивно скрываетъ свою атаку.... Сама Маргарита вна-
 чалѣ считаетъ его новиннымъ; ея проклятія на него касаются; онъ
 не варитъ имъ, но, подобно Глостеру, сомнѣвается въ свѣжѣ убѣ-
 жденій и радуется, что страшная женщина извлекаетъ его изъ
 круга тьмы, на которыхъ обрушаетъ свои заклинанія, и что она
 протягиваетъ ему руку помощи! Всадъ, въ добра и зла, онъ ри-
 суется за Ричардомъ, на второмъ планѣ. — Совершенная противу-
 положность Бомингаму — Стефанъ! Это настоящій льстецъ и лице-
 мѣръ; въ своей главной ссѣры онъ не признаетъ ничего, и, по-
 добно Елисаветѣ, поражаетъ Ричарда его же оружіемъ. Будучи
 въ родствѣ съ Ричмондомъ, онъ уже съ самаго начала принялъ мѣ-
 ры предосторожности, и имъ врага дѣлается другомъ королевы
 Елисаветы; его глазъ видитъ всюду; сама исторія изумляется, какъ
 Ричардъ, будто ослѣпленный самимъ собомъ, могъ обмануться въ
 этомъ челоуѣкѣ?.... Шекспиръ оправдываетъ пошлѣ тьмѣ, что дать
 Стефанъ одно оружіе съ Ричардомъ; равенство природной логкости —
 онъ надолго ослѣпляетъ вѣбду у Глостера....

Разсматривая эти стороны, объяснивъ положенія лицъ, сгруппиро-
 ванныхъ около сарказмественнаго характера героя трагедіи, мы дол-

лии замѣтить, что поэтъ ислыкъ еще большіхъ крайностей, чтобы со всей стороны, вполне осветить и уяснить этотъ характеръ. Онъ противопоставляетъ его счастью, его возвышенію — порокамъ и паденію; ако глубокому лицемерию онъ противопоставляетъ безлешность и добродушіе, его кровожадности — беззаботное самолюбство, которое подвигаетъ надъ самую смертью! — Это все объясняетъ происловіе лица *Маргариты*.

Маргарита была вдовою короля Генрика-Шестого; она однажды вернулась изъ Франціи, куда была сослана, на материкъ Англии — въ одиночъ лицей.... Обезоруженная, съ убійтвѣ самоубійствѣ, она подвигается надъ опасностями, надъ самою смертію, которая ей грозитъ за нарушеніе закона; она врывается въ кругъ своихъ враговъ, и, будучи не въ силахъ новелавать и управлять ими, не имѣя возможности скрыть своей внутренней бури, она въ безуміи и башенствѣ расточаетъ безопадные, предсказательныя проклятія, развертывающъ во этой аягелѣ страшную потину, и, какъ труба суда Божія, — грозитъ и порицаетъ отступнивецъ правды, своимъ безразличъ гонителямъ! Эти слова несутъ болѣе силы и чина, чѣмъ вся владѣнія Ричарда, и каждая мщениа ея неупротина; она неукротимое и неумалитное, чинѣтъ вся страшная мажда честилюбівъ, глумяща тующую душу Глестера. Сочинитель кровинки замечаетъ, при описаніи смерти князя Маргариты, что всѣ, бывшіе при этой мщениа, позднее мошнщ одинаковую чашу, «вследствіе заключенной справедливости и карающаго наказанія Божія....» Шекспиръ этотъ судъ олицетворяетъ въ бурной Маргаритѣ и ея проклятіяхъ!... Она проклинаа Эдуарда, и Эдуардъ ошоронотинно умираетъ; ея проклятія обывающъ и на неимуществомъ Кларенсъ, который ошрашнелъ на дочь Ланкастеровъ; они обывающъ и на Хэстингсъ, и на Елисаветъ, которая подъ конецъ, въ-самомъ-дѣлѣ, остается безъ брата, безъ мужа и безъ дѣтей, и на лукавомъ Бокингемъ.... Ричардъ также чашовецъ дается жертвою ея проклятія.... Бокингемъ извѣщаетъ ему, — это предсказала ему Маргарита. Самъ Ричардъ (IV актъ, 4 сцена), въ дерзкомъ безвѣрш, накликаетъ на свою голову судъ Божій.... Наконецъ его родная мать, герцогиня Йоркская, которую поэтъ выставилъ въ срединѣ — между Елисаветою и Маргаритою, и надѣлалъ ее качествами этихъ обанхъ, говоритъ ему (IV актъ, 4 сцена), что ея молитвы будутъ на сторонѣ его враговъ; она восклицаетъ: «Да

будутъ мои проклятія, въ день роковой, послѣдней битвы, на голову твоей тяжелой твоего желѣзнаго шлема!» И картины движутся, какъ живыя, и все идетъ какъ на яву, и страшный конецъ неотразимъ! Кара небесная, какъ ужасный ураганъ, обхватываетъ вихрь и несетъ къ гибельной цѣли.... «Lasciate ogni speranza voi che intrate!....» Последняя туча разсѣянной бури, лицезрѣній и ехидный Беккингемъ восходитъ на эшафотъ: «Всевышній, надъ Промысломъ котораго я издѣвался, восклицаетъ онъ, обрушилъ мою лицезрѣную молитву на мою голову; Онъ далъ мнѣ по святой правдѣ то, о чемъ я просилъ въ шутку!» Последнія слова трагедіи, которыя Шекспиръ влагаетъ въ уста Ричмонда, человека, ослѣдствленнаго волею небеснаго Промысла, — «God say amen!» — примиряетъ наше чувство съ идеею всей драмы, богатой такими многообразными подробностями!...

«Ричардъ III» въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ переведенъ на русскій языкъ — стихами, не только съ французскаго перевода Шекспира*. Въ 1842 году эта драма явилась у насъ въ третьей части переводовъ Шекспира — господина Кетчера. Последний перевелъ ее слово въ слово и со многими примѣчаніями, прямо съ англійскаго; только нашъ извѣстный и достойный переводчикъ Шекспира свой переводъ «Ричарда III» представилъ въ прозу, потому что она одна могла сохранить во всей неприкосновенности подлинную рѣчь великаго драматурга.

Предлагаемый здѣсь переводъ отдѣланъ также съ англійскаго языка, но стихами.... Главною цѣлью переводчика было — сохранить все мысленное подлинника, и характеры лицъ представить въ томъ самомъ видѣ, какъ они являются у Шекспира. Въ послѣднемъ случаѣ ему много помогала трудъ Гервинуса.

* Это переводъ господина *Бриссакго*, до-сихъ-поръ удержавшійся на сценахъ нашихъ театровъ.

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ КОРОЛЯ РИЧАРДА-ТРЕТЬЯГО.

=

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЭДУАРДЪ, принцъ Валлійскій, } сыновья

РИЧАРДЪ, герцога Йоркскій, } его.

РИЧАРДЪ, герцога Глостеръ... } Братья

ПОРГЪ, герцога Кларенса... } его.

Младшій сынъ Кларенса.

ГЕРИХЪ, графъ Ричмондъ.

КАРДИНАЛЪ БОРЧЕРЪ, архіепископъ
ноттербейскій.

ТОМАСЪ РОСЕРАМЪ, архіепископъ йорк-
скій.

ДЖОНЪ МОРТОНЪ, епископъ вилійскій.

Герцогъ БОКИНГЪМЪ.

Герцогъ НОРФОЛКЪ.

Графъ СЕРРИ, сынъ его.

Графъ РИВЕРСЪ, братъ жены короля
Эдуарда.

Маркизъ ДОРЗЕТЪ и лордъ ГРЕЙ, сы-
новья его.

Графъ ОКСФОРДЪ.

Лордъ ХЭСТИНГСЪ.

Лордъ СТЕНЛИ.

Лордъ ЛОВЕЛЪ.

Серъ ТОМАСЪ ВОГЭНЪ.

Серъ РИЧАРДЪ РАТКЛИФЪ.

Серъ ВЕЛЛЕЙМЪ КЭТЗЕН.

Серъ ДЖЕМСЪ ТИРРЛЪ.

Серъ ДЖЕМСЪ БЛЕНТЪ.

Серъ ВАЛЬТЕРЪ ХЕРБЕРТЪ.

Серъ РОБЕРТЪ БРАКЕНБЕРН, командиръ
Тоуэра.

ХРИСТОФОРЪ ОРЗВИКЪ, священникъ.

Лордъ-меръ Лондона.

Шерифъ Вильямсбургскій.

ЕЛИСАВЕТА, жена Эдуарда-Четвертаго.

МАРГАРИТА, вдова умершаго короля
Генриха-Шестаго.

Герцогиня ЮРСКАЯ, мать короля Эду-
арда-Четвертаго, Глостера и Кларенса.

Леди АННА, вдова Эдуарда, принца Вал-
лійскаго.

Маленькая дочь Кларенса.

Лорды. Святы. Джентльмены. Священ-
ники. Пасока. Граждане. Убийцы. Големы.

Духи. Солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи.

=

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лондонъ. — Улица. Входитъ ГЛОСТЕРЪ.

ГЛОСТЕРЪ.

Такъ! наконецъ зима несчастій нашихъ
Въ блистательное лѣто солнца Гюга
Обращена; потоплены въ пучины
Морей нависшія надъ нами тучи.
Победа увячала чела наши.
Трофеями виситъ побѣдное оружье
Веселый пиръ смѣнилъ свирѣлость битвы,
И павсюкъ звукъ — звукъ маршей заглушилъ!
Суровый бой чело свое разгладилъ,
И на коняхъ, закованныхъ въ желѣзо,
Не носится, пугая души робкихъ; —
Оны весело въ покояхъ леди пляшутъ,
Подъ звуки лютневъ-сладострастной лютни...
И только я, къ нгрушкамъ неспособный,
Не созданный для зеркала вполнѣ;
И, такъ топорно срубленный, лишенный
Любовныхъ чаръ, таинственныхъ и ослѣпныхъ
Передъ вертлявостью кокетокъ-нимфъ;
Я, въ красотѣ мужчины обдѣленный,
Физиономіи лишенный отъ природы,
Я, недоделанный, уродливый, до срока
Изверженный къ дыханью, — вполонину
Едва поконченный, и то такой красивый,
Что мигомъ псы повсюду лаютъ, чуть
Предъ ними гдѣ заковыляю; только я, —
Въ изнѣженно-пустое время это,